

За твоей спиной

*Objects in mirror are closer than they appear
(надпись на зеркальце заднего вида)*

Они возникают из ниоткуда.

Сначала тихие, едва уловимые, на границе слуха. Постепенно становясь все громче и громче, они заглушают сердце, бесшумно забивающее невидимые сваи, разрастаются до грохота, грома; от них закладывает уши, и ужас холодной ладонью проводит по ложбинке вдоль позвоночника.

Неровные, неритмичные, шаркающие. Шаги.

Шаги за моей спиной.

Оглядываюсь на год назад, в прошлый сентябрь, думаю.

Если б могла я заранее знать, какие испытания и потрясения готовит мне Североград, решила бы я поехать?

И отвечаю — нет. Не решила бы.

Но тогда, плавая в коктейле из бабьего лета, сбывшихся надежд и радостных ожиданий (сладкая сливочно-ванильная смесь, в которой расставание с родителями и жизнь в общежитии казались стружками горького шоколада — горького, но все же шоколада), тогда я была глуха к недобрым предзнаменованиям.

Помню, с какой пренебрежительной, самоуверенной усмешкой отмахнулась я от цыганки на рынке.

«Красавица, остановись, послушай!. Беда нависла, беда, вижу: дальняя дорога, злой рок. Кровь вижу... Позолоти ручку...»

Мельтешит кофта с дешевыми блестками, многослойные юбки метут пыльный асфальт, а я пролетаю над, высоко над, недостижимо над, я лечу в Североград, уже завтра, завтра!

Прочь от ласковой, но бдительно-твердой семейной опеки, на волю, в пампасы! Уа-ууу! В Североградский технологический университет!

Я, выпускница крохотного Озерского филиала, где вечный выцветший лозунг над крыльцом, георгины и белые флоксы, и вахтерша тетя Валя ушла доить козу, ключ под ковриком.

Я — в аспирантуру! В СГТУ!

Видение: широкая мраморная лестница, алая ковровая дорожка. Восторженно вопящая толпа, суетятся нервные корреспонденты, машут микрофонами. Вспышки фотокамер. Поигрывают бицепсами каменноликие секьюрити. Я (в вечернем платье, в темно-лиловом атласном платье, в платье от Версаччи Карденовны Шанель, с вот такенным разрезом сбоку!), я иду по ступеням... нет, даже не иду, я следую, возношусь, вот! Вверх, в светлое будущее, в небеса, туда, где мерцают в завораживающем бриллиантовом тумане учеба, диссертация, сказовая карьера...

Если добавлю «любовь», вы, вероятно, подумаете, что я храню мозги в атласной коробочке под слоем сахарной пудры? Ну что ж, ваше право.

И любовь, конечно. Во всяком случае, впервые укладываясь спать в облезлой общежитской комнатенке, я прошептала в подушку: «На новом месте приснись, жених, невесте». И, подумав немного, для верности добавила: «Суженый-ряженный, приходи ко мне наряженный». Хотя ненаряженный суженый меня тоже вполне устроил бы.

Увы, вместо кареглазого брюнета на белом коне-мерседесе-лайнере мне приснилось нехорошее: погребальный колокольный звон, кладбищенские кресты в глубоком снегу, а от крестов — длинные черные тени. Белесые в лунном свете во-

Галина Викторова

ФАНТАСТИКА

роны, кричат мерзкими голосами «Кар! Карр! Крр-рровь, крр-рровь! Позолоти рр-рручку, крр-ррасавица! Каррр!» Чьи-то когтистые синюшные руки тянутся ко мне из темноты, и я, захлебываясь ужасом, пытаюсь бежать. И, как положено в приличном кошмаре, не могу сдвинуться с места...

О невесомое легкомыслие юности! Поутру я и думать забыла о мрачных видениях, списав их на усталость, злых осенних комаров и стресс. А как не быть стрессу: днем меня должны были представлять кафедре, а я умудрилась посадить жирное несмываемое пятно на лучшую юбку.

Мам, пап, приветики! У меня все нормально, я не болею — не болею, не болею, правда.

Знакомилась сегодня с кафедральным народом, народу много-ого, никого не запомнила совершенно. Но это дело наживное.

Официально моим научным руководителем значится завкаф. Его зовут Евклид Евклидович, прикиньте! Грек он, и фамилия у него какая-то совершенно невероятная, что-то вроде «профессор Хрум-пурурум-пиди». Но на самом деле ему не до меня, мной будет заниматься доцент Липецкая. (У нее тоже с именем полный фейерверк: Нимфа Петровна, убиться можно. Романтический мэн был этот дядя Петя Липецкий, это ж надо так дочери удружить!..)

Кафедра органической химии СГТУ, которая должна была стать моим домом на ближайшие три года (это минимум, а дальше — как сложится), располагалась в допотопном строении, походившем на особняк какого-нибудь прибитого в революцию графа: колонны по фасаду, арочные окна, лепные украшения (увы, потерявшие былую форму и грацию под слоями побелки). Но при внимательном рассмотрении архитектурные излишества оказывались вязью из шестеренок, циркулей и прочей околонуточной символики, поскольку здание строилось специально для технического училища. Исторически этот корпус был первым кирпичиком, зародышем, основой института (впоследствии университета) и постепенно оброс высотными новостройками.

Я прошла вверх по парадной лестнице с затейливыми коваными перилами (почти такой, какая мне представлялась в мечтах, только без ковра и секьюрити), и первое, что меня потрясло, — это контраст почти летней жары на улице и почти могильного, жутковатого холода внутри. Кладка мощных стен была рассчитана на взрыв любой химической ерунды, но совершенно не пропускала тепло, а высоченные сводчатые потолки и узкие путаные коридоры усиливали впечатление: то ли ты в склепе, то ли в море. Большинство встреченных сотрудников куталось в шерстяные кофты и свитера с высокими воротниками, а у некоторых даже шарфы были повязаны. Чтобы не простудиться, наивно подумала я.

Второе наблюдение: на кафедре царила тишина. Похоже, здесь было принято общаться шепотом. Впоследствии я отметила, что народ тут имел странную привычку часто и нервно оглядываться.

Кудряво-черноволосый невысокий профессор (тот самый зав. кафедрой с геометрическим именем) поздоровался со мной, задал пару вопросов, не дослушал ответов и, беспокойно потирая шею, перепоручил меня доценту Липецкой.

Нимфа-доцент оказалась пожилой, нездорово полной женщиной. Войлочные ботинки на отекавших ногах, одутловатое бледное лицо, очки с толстыми линзами.

Познакомившись, руководительница передала меня, словно эстафетную палочку, ассистенту Максиму Стрельникову, предложившему сразу перейти на «ты» и звать его Максом.

Этот Макс потащил меня на экскурсию по кафедре, вполголоса комментируя все, что нам попадалось.

А попадалось многое. Огромный амфитеатр лекционного зала (зудят лампы дневного света, хмурый лысоватый лектор вещает что-то осоловевшей аудитории), просторные учебные лаборатории (стайки студентов сосредоточенно обкапывают кислотой белые халаты), научные лаборатории размером поменьше, классы, где идут занятия (какая-то невеселая младшекурсница, стоя у доски, обреченно грызет мелок; так засыпавшийся разведчик прокусывает капсулу с цианидом, зашитую в воротничке). Преподавательские, лаборантские, запасной выход, склад, музей. И — тишина. И неестественный пронизывающий холод — везде.

— Да, тут у вас готичненько, как говорится. Прямо готовая декорация для фильма ужасов. Так и вижу себя в главной роли: Анна Сидорофф — победительница зла. Колотун, аж зубы стучат. И бледные все... Слушай, Макс, а у вас тут никакие порождения тьмы не водятся? Зомби или упыри-вампирь? — Я попыталась скрыть за шуткой непонятное беспокойство.

Мой проводник остановился, словно стукнувшись о невидимую преграду. Посмотрел на меня. Никогда, никогда не забуду его взгляд.

— Нет тут никакой тьмы, не придумывай глупости. Я все лето в этих стенах проторчал, автореферат доделывал — вот и не загорел. А температура... Отопительный сезон начнется — еще жарко будет, увидишь. — Он помолчал, потирая шею точно как завкафедрой (подражает начальству, сделала я очередную идиотский вывод), и немного невпопад добавил: — Ты только по вечерам не задерживайся, не советую. Транспорт в городе плохо ходит...

В музее, который был в полуподвале, под слоем пыли дремала история кафедры и ее первого руководителя, главной североградской химической знаменитости — профессора Льва Ерминингельдовича Ставровского.

Музей как музей: в витринах — книги и документы, на полках — химическое стекло, под ним — семейство ступок, от крохотной, с наперсток, до солидной, способной вместить не очень раскормленную Бабу ягу. В тяжелых шкафах вдоль стен таились медные коленчатые штуки неясного назначения, весьма научно выглядявшие. И надо всем — в центре, напротив входа, над неохватным письменным столом — потемневший портрет Ставровского. Большой портрет, в полстены. Строгая одежда, красивая трость с блестящим набалдашником (профессор повредил ногу во время неудачного опыта). Надменное узкое лицо с пронзительными глазами.

Портрет ошеломлял. Казалось, я слышу: «Да, я величина мирового уровня. Светило. Основоположник и корифей. Я заложил краеугольный, внес весомый, сделал решающий и навеки вписал, а моя именная реакция приведена во всех школьных учебниках. А ты кто, нелепая пигалица в джинсиках?» (Увы, преподавательница-юбка не просохла к утру, и вместо делового костюма мне пришлось надеть несерьезные, несолидные, просто вопиющие несолидные джинсы с розовой кружевной отделочкой).

До сих пор стыжусь этой детской выходки: улучив момент, когда Макс отвернулся, я показала портрету язык.

Ох, не нужно было этого делать!..

Так прошел первый, самый запоминающийся день, и понеслись будни. Не то чтобы совсем уж суровые и однообразные, но все же очень похожие друг на друга. И не слишком-то веселые.

Мамундели и папундели, хай!

Я по-прежнему жива, хоть и соскучилась адски. В общаге одиноко и тараканно, поэтому я как можно больше времени провожу на работе. Тем более что Нимфа продыху особого не дает. То у нее некая идея, то прозрение, то инсайт — а мне все ее теории проверять. Практикой. Тяжким, понимаете ли, непосильным трудом.

Тесной дружбы я пока ни с кем не завела, — наверно, времени прошло еще мало. И мне кажется, сторонятся меня как-то. Тут все друг друга сто лет знают, а в аспиранты обычно берут своих же кафедральных студентов, знакомых с первого курса, проверенных уже, обсосанных на дипломе. А я — со стороны, чужачка.

Но ничего, прорвемся!

Да, статью нашу приняли в «Colloid and Polymer Science»! Это серьезно, гордитесь мной. И не вздумайте филонить: как следует, старательно гордитесь. Приеду — проверю! Поймаю на лени — заставлю пере-гар-жи(ди?)-вать-ся.

Па, скажи маме (убедительным голосом), что консервов мне присылать НЕ НУЖНО, я тут совершенно не голодаю. А вот куртку серую...

Лаборатория, где работала Нимфа Петровна и где мне выделили уголок, находилась неподалеку от музея, в самом конце длинного коридора. Каждый день я проходила мимо открытой музейной двери. Дверь действительно была «музейной» — раритет, ровесница птеродактилей. Она держалась на массивных узорных петлях, позвякивала огромной щеколдой, да-да, именно щеколдой, уж у нас в Озерске я этого добра навидалась. И каждый день меня заставлял поежиться ледяной взор Ставровского.

С начальницей я нашла общий язык неожиданно легко: главное было с ней не спорить. Несмотря на вечно поджатые губы, она оказалась вполне адекватным человеком. Пожалуй, из всего коллектива я больше всего сблизилась именно с ней. И ее болезнь стала для меня тяжелым ударом.

Это случилось уже по весне, когда сугроб перед окном просел, позволив солнечному лучу ненадолго, на полчаса всего, заглядывать и в нашу лабораторию. Луч чувствовал себя неуверенно, осторожно обходил трехгорлые колбы и воронки Шотта, трогал лапкой дистиллятор и снова прятался за занавеской.

Нимфа в эти дни отмечала юбилей и получила множество поздравлений, в том числе и по электронной почте. Субботним вечером она решила задержаться на работе, чтобы ответить на письма. Своего компьютера у нее не было. Я предложила помочь, зная, что руководительница — еще тот хакер, техники она, правда, не боялась, как многие ее ровесники, но асом не была. Да и артрит не позволял ей бойко колотить по клавиатуре. Однако Петровна от помощи отказалась, сказав, что переписка — дело личное, и уж с мейлом-то она как-нибудь справится.

Почему, ну почему я послушалась?..

Кто в двенадцать ночи вызвал «скорую», так потом и не выяснили. Да особенно и не выясняли: человеку плохо, спасать надо, а не вопросы задавать. Врачам пришлось долго объясняться с сонным вахтером, чтобы попасть в вымершее здание, в закрытую изнутри комнату.

Инсульт...

Странное дело, но после того, как самый близкий мне в этом чертовом здании человек оказался в больнице, я впервые перестала чувствовать себя чужой и потерянной. Наверно, мне просто стало некогда. Я ловила за халат пробежавшего по больничному коридору врача, я бегала по аптекам, я варила и протирала через ситечко что-то неаппетитное, но питательно-ди-

этическое, я утешала и кормила «кискасом» осиротевшую Нимфину кошку. Ко мне стали чаще обращаться на кафедре — сначала только как к мостику, к ниточке, ведущей к Нимфе Петровне, а потом и просто так.

Дни я проводила в больнице: руководительнице моей требовалась сиделка. Чтобы не запустить основную работу, вкалывать пришлось по вечерам.

Тогда я впервые и услышала их. Шаги по коридору.

Па, не показывай это письмо маме. Это во-первых.

А во-вторых... сейчас напугаю еще сильнее, но что делать! Па, у меня проблемы. Некоторые происходящие здесь вещи я не понимаю, не могу объяснить, и от этого просто в шоке.

Ответь мне, пожалуйста, честно: у нас в роду... шизофрении ни у кого? Не надо скрывать, лучше я буду знать, что со мной творится. Скажи! Если что-то у кого-то было — значит, надо мне возвращаться домой, пока я не совершила... не знаю чего, чего-то необратимого. И лечиться, наверно.

Если же ты ничего такого не слышал, то... Но это ведь и не наследственное может быть?

Пап, я в растерянности. Я путано, наверно, пишу. В письме не объяснишь. Может, ты сможешь приехать? Отпуск за свой счет на работе, а? Только по-тихому от мамы как-нибудь...

Нет смысла подробно рассказывать, как были отвергнуты следующие версии: «послышалось», «шорохи за стеной», «потрескивание старых перекрытий», «звуки с другого этажа», «эхо» и так далее. Как я боролась с крутящимся в голове вздором о вампирах и убийцах, о бледных лицах сотрудников, о шеях, спрятанных в шарфы и воротники. Как воевала с сюрсом гипотез о причинах болезни Нимфы Петровны. Как, собрав крупичи мужества, осматривала еле освещенные переходы, дергала закрытые двери, заглядывала в углы и тупики.

Абсурд, ахинея, нелепица. Бред сивой кобылы. И эта сивая кобыла — здравствуйте, я.

Но я слышала их! И это были не шорохи, не случайные скрипы и потрескивания. Это — шаги. Глухие, уверенные. Их сопровождал периодический тихий стук.

Невидимый некто появлялся в дальнем конце коридора. Медленно, но неуклонно продвигался по зданию, заходил в лабораторию и останавливался, казалось, в паре метров от меня, от чего все волоски на моем теле вставали дыбом. Закрытая дверь не спасала. А после того как в зеркале мне привиделась маячившая за моей спиной высокая темная фигура, незнакомая, мужская (обернулась — естественно, никого), мой внутренний голос печально произнес: «Шизофрения, как и было сказано».

На следующий день я и написала то самое письмо отцу, не домой, конечно, а на рабочий адрес. Но впопыхах забыла наклеить марку и, разумеется, не указала обратный адрес...

Письмо письмом, на душе стало чуть спокойнее, но необходимости готовить доклад письмо не отменяло. Я по-прежнему почти каждый вечер оставалась последней в здании, врубив для храбрости «Ногу свело» на запредельную громкость. Без толку.

Некоторые вещи не обязательно слышать. Достаточно о них знать.

Несколько раз со мной задерживался Макс Стрельников, но постоянно просить его было неловко, а рассказать о своих страхах и галлюцинациях я не решалась.

Папа, папочка, ну где же ты? Приезжай скорее!..

Только один раз мне удалось отвлечься, забыть о жутких шагах, да и вообще почти обо всем. Две серии экспериментов не сходились капитально, самым наглым и вызывающим образом.

Да, ребята, с такими плакатами на кафедре выходить может только мальчик для битья. Решивший стать мертвым мальчиком для битья.

ФАНТАСТИКА

Заклюют. Закидают мелками и тряпками, за неимением тухлых яиц. И будут правы.

Я пересчитала все даже не трижды, перерыла записи и лабораторные журналы, перепроверила каждую запятую. Холера! И это за два дня до доклада.

Переделять опыты времени не было. Теревить глупыми вопросами Нимфу тоже не хотелось. Врачи высказывались определенно: человеку нужен покой.

Выхода виделось два: придумать научнообразное объяснение дурацким кривым в надежде на то, что кафедральный люд его проглотит (ага, щас!), или временно подчистить, подправить результаты, чтобы несоответствие не бросалось в глаза, а уже после конференции спокойно разобраться, что к чему.

Второй вариант выглядел значительно безопаснее.

И собственно, совсем не сложно. Я уже начала передвигать по экрану первую точку, как...

Никогда раньше не теряла сознание. отвратное ощущение, доложу вам.

Стул перевернула, со стола все свезла, у мышки шнур выдрала, головой припечаталась об пол до звона в ушах. Тошнит, шея ноет, во рту мерзость. Как там в романтических мелодрамах пишут? «Когда я очнулась, то первое, что увидела, было встревоженное лицо склонившегося надо мной...» Да-да, Максима. Ну да, как же, встревожился он! Это чудовище стояло в дверях и довольно улыбалось:

— Ну наконец-то Лев Ерминингельдыч тебя признал! Все, считай, своя.

— Кто признал? Что признал? — пропищала я, озираясь и пытаюсь встать.

— Кто-кто! Ерминингельдыч в пальто. Чем он тебя? Ну-ка, ну-ка, покажи шею.

Все кружилось, шея онемела, словно к ней приложили глыбу льда.

— Зачем шею? — сопротивлялась я. — Голову посмотри. Крови не видно?

— Пустую голову осматривать смысла нет, — бормотал Макс, отгибая мой воротничок. — Синяк отсутствует. Не тростью, значит. Знаешь, какая у него трость тяжелая?.. Не, не тростью. Легонько, ребром ладони. Любя. Эх ты, небось результаты подгоняла, горемыка?

Через два дня, кутаясь в шарф, дрожа и запинаясь, я докладывала:

— По полученным мной данным, зависимости «эф» от «тау» и «гамма» от «тау» противоречат друг другу. Объяснить это, к сожалению, я не могу. Планирую продублировать эксперименты. Тщательно. О результатах доложу на следующей конференции. Со второго ряда на меня, сияя, смотрел Макс.

Ма, приезжай срочно и привози свой «зингер»! Ни в одном магазине не нашла свадебного платья с воротником-стойкой. Сплошные юбки колоколами и декольте до пупа, Менделеев их покусай!..